

ПЕСНЯ И СКАЛЬПЕЛЬ

Ал. КРЫЛОВА

Может ли народ жить без песни?
Песня всегда с народом — и в горе,
и в радости. Песня смягчает его горе,
песня воодушевляет его в борьбе, песня
сверкает его радостью.

... Конец XIX столетия. Годы девяностые...

... Прекрасный город Шуша, родина народных певцов! Песни их помогали народу Азербайджана переносить свое горе и звали его на борьбу за счастье. Здесь жил народный певец Кариыды Джабар, которому сейчас 80 лет. До революции он имел звание мещанина города Шуши. Революция дала ему звание народного артиста республики. И старик Гаджи Гуси жил там, — старик, певший так, что слушатели забывали его годы, и казалось им, что сладкогласный юноша поет их скорбь и их ненависть, и не переставали они удивляться его пению.

И не переставали они удивляться его пению, хотя жителей Шуши трудно было удивить, ибо редко кто из них не пел и не знал звучания всех ладов и сам не слагал мукamu на слова великого Физули — излюбленного поэта певцов-импровизаторов. И, будучи жителями этого песенного города, все дяди и все двоюродные братья маленького Узеира Гаджибекова были певцами и таристами. И мать пела еще у его колыбели.

О чем же пела его мать? Народ Азербайджана был угнетен и несчастлив, и она пела ему о тех, кто вставал против угнетения, о тех, кто боролся за счастье народа. Она пела ему о смелом Наби, который бился с жандармами, и о народном герое Рустаме, сраженном врагами.

Легендарные образы храбрых борцов за народное счастье, героев, которых не могла осилить даже смерть, — ибо смерть их закигала страстным возмущением сердца народа, — навсегда запечатлелись в его памяти... Но чаще мать пела ему печальные песни. Так же, как печальны были дни Азербайджана, страны, поставленной на колени российским царизмом, так печаль-

ны были и ее дни. Муж ее Абдум Гусейн был сельский писарь — мирза в селении Аджабеды. Но людей, нуждавшихся в любой работе, много, а работы мало. У мирзы не было сильных покровителей. Его место отдали другому.

И всю жизнь человек ходил безработным! Но какая уж это была жизнь! Он мог утешаться лишь тем, что и сосед жил не лучше. Голод был их частым гостем. И все-таки люди эти пели. Они пели даже на мажорный и мужественный лад «раст», лад, созданный для песен торжества и победы. Они были уверены, что в будущем они победят.

Дело их было правое: каждый народ имеет право быть свободным и счастливым. И мужественный, победный лад «раст» был для них, как знамя, развеваящееся и зовущее вперед знамя.

Маленький Узеир Гаджибеков пел, как пели все вокруг него. Незнаком, чему научился он раньше — говорить или петь. У него был особый дар к песне. Он очень хотел слагать мелодии, переключившись на ноты песни своего народа, создавать оперы Азербайджана. Но страна была порабощена, а он — вместе с народом — очень беден. И вместо того, чтобы осуществлять свое призвание, он должен был работать ради куска хлеба.

... Годы девяностые...

... С пожелтевшей фотографии глядит на нас тоненький огнеглазый мальчик в черном архадуке, перетянутом на стройной талии, и в круглой барашковой шапочке. Каждое утро этот мальчик по имени Мир Асадулла Миркасимов, одетый, как запечатлено на фотографии, ходил в персидское духовное училище города Баку, называемое мектеб. Выходя после уроков из мектеба, он, оглянувшись по сторонам,

шмыгал в соседнюю лавчонку. Там торпливо сирал архадук и шапочку и надевал серую блузу, пояс с медной бляхой и гимназическую фуражку с кантом, спрятанные под прилавком. Потом, озираясь, прокрадывался в русскую гимназию. Возвращаясь оттуда, он опять переодевался в лавчонке. Все духовные чины мектеба пришли бы в великое негодование, узнав, что их воспитанник интересуется греховными светскими науками.

Народ Азербайджана был очень беден. Народ не мог учить своих сыновей. В гимназии, куда поступил Мир Асадулла, среди его одноклассников было только 5 азербайджанцев. И те из семей богатей.

На каникулы Мир Асадулла уезжал в деревню. Он занимался там ботаникой и зоологией. Он с увлечением читал там книги по философии. Он видел там угнетение и нищету, которые в деревне были еще обнаженнее и страшнее, чем в городе. Он видел людей, терявших зрение от трахомы, умиравших от туберкулеза, малярии, заражения крови.

Они умирали потому, что их не лечили. Их не лечили потому, что народ был беден, а правительству не было никакого дела до людей. Но Мир Асадулла был не из тех, кто ограничивается ролью наблюдателя. Он не мог только смотреть. Он хотел действовать, хотел помогать.

А чем мог он помочь своему народу? Больше всего думал он именно об этом. Он знал, что пути их — его и народа — тесно связаны. Наука, которая влекла его, была порабощена. У науки были обрезаны крылья, крылья, на которых должна она и парить, и спускаться к людям...

Какая радость в науке, если она не дает возможности помочь своему народу?

... Начало XX века, вплоть до 1917 года...

... В Новороссийском университете, на медицинский факультет которого поступил Мир Асадулла Миркасимов, учились всего шесть азербайджанцев. Вскоре один из них должен был превратиться в ученье. Это был Мир Асадулла.

творчестве, нужно было думать лишь о том, как прожить. Но разве можно запретить думать? Запретить создавать? Урывками Гаджибеков пишет в 1908 году оперу «Лейла и Меджнун». Первую оперу Азербайджана.

Это была странная опера. Певцы в ней были музыкальными импровизаторами, импровизировавшими арии на лад, указанный композитором. Композитор! Да, Узеир Гаджибеков, первый из азербайджанцев, мог претендовать теперь на это звание. Но композитору прежде всего нужно было найти певцов.

Все это было очень трудно. Все это совершалось первый раз в истории народа. Он отыскал такого же молодого и неизвестного, как и он сам, энтузиаста, согласившегося исполнить роль Меджнуна. Его звали Сарабский (теперь он — народный артист республики). Что касается женской роли Лейлы, то женщина вообще не могла появляться на сцене. И арии нежной Лейлы пел босой мальчик из чайханы.

Окрыленный первым успехом, композитор все так же, урывками, пишет оперы на темы народных сказаний и легенд: «Шехсанан», «Рустем и Зораб», «Асли и Керем». Он пишет злободневные оперетты, и меж ними, ставшую популярнейшей, «Аршин Мал алан». Случающиеся юноши и дамы, сливки бакинское бомонда, посещают его оперетты и одобряют их.

Но разве эти зрители были ему нужны? Он мечтает о великом зрителе — народе Азербайджана...

Собственные опыты не удовлетворяют его. Лучше всех видит он свои недостатки. Он хочет учиться музыке. Но бедность, бедность! Все то же проклятие бедности, тяготеющее над народом, тяготеющее над его интеллигенцией. И Гаджибеков, поступивший в Москве на курсы при консерватории, кое-как перебившись там год, бросает занятия: буквально нечем жить!

... Начало XX века, вплоть до 1917 года...

... В Новороссийском университете, на медицинский факультет которого поступил Мир Асадулла Миркасимов, учились всего шесть азербайджанцев. Вскоре один из них должен был превратиться в ученье. Это был Мир Асадулла.

Отец не платил за него. Стипендия не полагалась. Нужно было зарабатывать на жизнь, на ученье. Проясуществовав впроголодь некоторое время, Мир Асадулла Миркасимов поехал зарабатывать на Новороссийск, что на берегу Черного моря, в тунгусскую деревню Наяхань, что на берегу Берингова моря, в область вечной мерзлоты, помощником лекаря. На всем остальном пространстве между Черным и Беринговым морем негде было приложить свои руки и знания молодому студенту.

Судно, которое должно было забросить продовольствие из Владивостока в Наяхань, разбилось. Никто не позаботился послать другое. Наяхань голодала. Молодой помощник лекаря каждое утро обходил с корзинкой подножия гор, собирая чернику. Он варил из нее кисель, пытаясь воздвигнуть эту слабую витаминную преграду между человеком и голодом, человеком и цынгой... Через год Миркасимов возвращался обратно. Пароход потерпел крушение. Пятьдесят дней носило их по морю. Провизия истощилась. Смерть глядела им прямо в глаза.

Так Мир Асадулла Миркасимов зарабатывал себе право на образование. Окончив Новороссийский университет, он хотел поступить в новую городскую Одесскую больницу. Просмотрев его документы, ему сухо отказали:

— Лицам неправославного вероисповедания не место здесь.

Он подал заявление в клинику Новороссийского университета:

— Лиц неправославного вероисповедания в штат не принимаем.

Наука! Наука! Кажется, уже всем жертвовал он для нее. Конечно, Миркасимов мог отказаться от своей мечты. Перед ним открывалась проторенная дорога. Он мог заняться частной практикой, загребать кучу денег, купить дом на Дерибасовской, завести коляску на дутых шинах и горничную в белой наколке, которая сироваживала бы дурно одетых пациентов...

Но разве деньги были ему нужны? Несмотря на то, что всю жизнь прожил впроголодь, деньги были ему не нужны.

Ему нужны были знания и опыт, чтобы помочь своему народу. И он поступает сверхштатным ординатором. Он

работает, как тогда говорили о прислуге, только «за стол»...

... Годы — от установления советской власти до наших дней.

... Если народу и в горе нужна песня, то в радости он никак не может обойтись без нее.

... Огромный хор на полукруглой эстраде стройно и воодушевленно поет победную песню на мажорный и мужественный лад «раст». Белые стены и синие бархатные занавесы Бакинской филармонии залиты электрическим светом. На этом ослепительном фоне выделяется фигура высокого, плотного, немолодого человека с дирижерской палочкой в руках. Повнуясь ее взмаху, черноволосая, смуглоликая солистка, волнуясь и робея, делает шаг вперед и чистым, нежным голосом выводит ноту. Хористы подхватывают мелодию. И, подобно тому, как ручейки, сливаясь вместе, образуют мощный, бурный поток, голоса, соединяясь в хор, порождают многоголосую, мощную, вольную песню. Ее не знал ранее народ Азербайджана, ибо никогда в Азербайджане не было хора. И хор этот, созданный после революции, — первый за все время существования народа.

Народ Азербайджана никогда ранее не знал хорового многоголосого пения, как никогда ранее не знал он свободы и радости. И не знаменательно ли, что только теперь песня расправила свои крылья? Видно, радость так велика, что одному человеку не под силу выразить ее песней, и выразить ее можно только в содружестве, именуемом хором.

Высокий, плотный, немолодой человек, дирижирующий первым азербайджанским хором, — творец народно-героической оперы «Кёр-Оглу» — первый композитор Азербайджана, народный артист республики Узеир Гаджибеков. Пришло время, когда осуществились все его мечты! Он тосковал всю жизнь о настоящем слушателе. И теперь народ Азербайджана — рабочие, колхозники, интеллигенты — слушают и поют народные песни в его обработке и сложенные им песни о наших днях.

Он с детства стремился воплотить в музыку легендарно-героические образы сказаний народа, запечатлеть в

песне тех, кто боролся за народное счастье. Ашуги Азербайджана прославляли героя Кёр-Оглу. Хан ослепил отца Кёр-Оглу. И мстя хану за своего поруганного отца, Кёр-Оглу мстил за весь поруганный, порабощенный народ, сыном которого он был. Всю страстность и благородную искренность замечательного искусства ашугов сохранил композитор в своей подлинно народно-героической опере, подаренной им Азербайджану.

Узеир Гаджибеков, знавший, как музыкальна душа его народа, знавший, как душились способности и таланты народа, стремился раскрыть их. И после революции он получил эту возможность. Создано музыкальное училище, полготовившее азербайджанских дирижеров и музыкантов, певцов и певий. Создан первый азербайджанский хор. Создан впервые в Азербайджане оркестр национальных инструментов, играющий по нотам. Наконец, в Шуше, музыкальнейшем городе Азербайджана, родине композитора, открыта музыкальная школа.

Музыкальная культура Азербайджана, начало которой положено лишь при советской власти, неразрывно связана с именем народного артиста республики Узеира Гаджибекова.

Народ, живущий в довольстве и радости, хочет полнее и ярче выразить свое счастье. По всей республике возникают народные ансамбли певцов, танцоров, музыкантов. И оратория «Сталин», созданная Гаджибековым к 20-летию Октября, написана на мужественный и мажорный лад «раст», победный лад «раст», зовущий вперед, как знамя.

... Годы — от установления советской власти до наших дней...

... До установления советской власти в Азербайджане не было медицинского обслуживания населения. В селах не имелось не только врачей, но даже фельдшеров. Крестьяне не знали иной помощи, кроме помощи знахарей, шептунгов, шарлатанов. Какое дело было царскому правительству до людей: жили ли они, страдали ли они, умирали ли они. Только два врача в Азербайджане были по национальности азербайджанцами. Вспомним, что Мир Асадулла Миркасимов служил тогда

«за стол» в университетской клинике. Сейчас в районах, где не было даже фельдшера, созданы больницы со многими специальными отделениями — хирургическим, акушерским, глазным. Огромное большинство врачей, работающих во всех, самых глухих, уголках Азербайджана, — воспитанники Азербайджанского медицинского института.

Значит, они — воспитанники профессора медицины, заслуженного деятеля наук Мир Асадулла Миркасимова. Все они учились у него любви к народу, любви к человеку, любви к науке.

У профессора Миркасимова — десятки и сотни учеников, сыновей колхозников и рабочих. Они учатся в Медицинском институте, правительство заботится о них, обеспечивает их стипендией. В стране, главнейшая забота которой — забота о людях, и жить, и учиться очень легко. Не так жил, не так учился Миркасимов. Тяжелая жизнь досталась ему на долю.

Но теперь он счастлив. Мечта его жизни исполнилась. Он родился во времени, когда его народ стал свободен, богат, счастлив. И он помогает теперь своему народу бороться с проклятым наследием прошлого — болезнями. Развитие советской медицины в Азербайджане неразрывно связано с именем профессора Мир Асадулла Миркасимова.

Он счастлив. Скольких людей спас он от смерти. Он произвел свыше трех тысяч операций. Всеми силами помогает он своему народу побеждать смерть. И как бывает он вознагражден, когда на парадах и демонстрациях он видит цветущих, бронзовотелых, мускулистых юношей и девушек, видит счастливую юность страны!

И вот 1937 год, год великого торжества советской демократии, год, прошедший под знаком выборов в Верховный Совет Союза.

Верные сыны своего народа, не оставившие его, когда он был угнетен и несчастен, накрепко связавшие судьбу свою с его судьбой, теперь вознаграждены народом за свою бескорыстную и неизменную преданность. Узеир Гаджибеков и Мир Асадулла Миркасимов — депутаты Верховного Совета СССР. Народ Азербайджана почтил их высшим доверием.